

В прошлый раз она натерпелась от этих тридцати ударов сполна: пролежала на кровати полмесяца, не в силах пошевелиться, и из-за этого ещё сильнее испортила отношения с императрицей и няней Жун, заложив мину замедленного действия под бесчисленные будущие конфликты.

И именно в период её восстановления Цзы Вэй неотлучно ухаживала за ней, Юн Ци тайком перелезал через стену, принося лекарства, а Эр Кан и Эр Тай изо всех сил пытались уладить дело...

— Девятнадцать!

Нельзя больше позволять бить себя! Иначе моя только что вернувшаяся душа снова улетит наружу!! — отчаянно кричал в душе Сяо Яньцзы сильный внутренний голос.

Её безрассудство и привычка идти напролом не только навлекли на неё боль и жестокие удары палками, но и причинили бы вред тем, кто о ней заботится, а у императрицы и будущей Старой Будды создали бы роковое впечатление: «необузданная и совершенно не поддающаяся воспитанию девчонка».

Но как переломить ситуацию? Стать на колени и молить о пощаде? Императрица сейчас в ярости и точно её не пощадит.

Притвориться потерявшей сознание? Няня Жун слишком проницательна, у неё найдётся сотня, тысяча способов привести её в чувство.

Палка снова взмыла высоко вверх.

В её онемевшем от боли сознании созрела дерзкая, граничащая с безумием мысль.

— Отец-Император, спаси меня!

— Остановитесь!

Несколько голосов прозвучали одновременно, смешавшись с тревогой, гневом и душевной болью. Это были Цяньлун, Юн Ци, Цзы Вэй, а также подоспевшие вместе с ними Эр Кан, Эр Тай и остальные, узнавшие о происходящем!

Двадцатый удар! Тяжёлая палка сокрушительно опустилась вниз.

Сяо Яньцзы вся задрожала, а затем замерла ничком на длинной скамье, не издавая ни звука.

— Сяо Яньцзы!

Эр Тай и Эр Кан применили легкость движений цигун и в несколько прыжков мгновенно оказались перед стражником, державшем палку, перехватив его занесённые для нового удара руки. Эр Тай посмотрел на Сяо Яньцзы, чья одежда пропиталась кровью, и невольно сжал пальцы сильнее. Стражник скривил лицо от боли, но не смел издать ни звука.

Сяо Яньцзы лежала на скамье неподвижно; скосив глаза, она заметила стоявшего рядом Эр Тая и вспомнила, как в прошлой жизни он, не считаясь с союзами между Монголией и Великой Цин, охранял её посмертную табличку и дни напролёт топил горе в вине, пока не угас в тоске. В груди у неё защемило, ей захотелось протянуть руку и потянуть его за рукав, но сил не хватило, и она лишь слабо пробормотала:

— Глупышка... Эр Тай...

— Немедленно прекратите! — Цяньлун побледнел, являя собой всю мощь императорского величия. Получив весть от Цзы Вэй и остальных, он спешил изо всех сил, но всё равно опоздал.

Глядя на лежащую на скамье Сяо Яньцзы со слабеньким дыханием и окровавленной одеждой на бёдрах и ногах, Цяньлун испытывал одновременно и жгучую жалость, и ярость.

— Императрица! Вот каким правилам ты её обучаешь? Тридцать ударов палками! Как такое вытерпит хрупкая девушка?!

Императрица вместе с няней Жун выступила вперёд и почтительно поклонилась, её лицо было суровым и строгим:

— Прошу Ваше Величество умерить гнев. Принцесса Хуаньчжу упорствует в своих заблуждениях и отказывается исправляться, да вдобавок дерзила мне и вела себя неподобающим образом. Если не наказать её как следует, как поддерживать порядок в женских покоях? Я действовала по дворцовым законам.

— Отец-Император... — раздался слабый, хриплый, но удивительно отчётливый голос.

Взгляды всех присутствующих мгновенно устремились на Сяо Яньцзы.

Она дрожала, пытаясь приподнять тело на руках. Каждое движение заставляло её личико морщиться от боли, а холодный пот градом катился по лбу.

— Сяо Яньцзы, не двигайся! — заплакав, Цзы Вэй попыталась подойти.

Цяньлун тоже в тревоге приказал:

— Живо позовите лекаря! Чего застыли?!

На площадке тотчас воцарился полный хаос.

Два евнуха бросились вперед, желая поддержать Сяо Яньцзы, но у неё совершенно не осталось сил — всё тело обмякло, стоять она не могла и едва снова не рухнула на землю. Заметив это, Цяньлун оттолкнул евнухов, попытавшихся прийти на помощь, и лично шагнул вперёд. Осторожно подхватив потерявшую сознание Сяо Яньцзы на руки, он, не глядя на императрицу и остальных, широким шагом направился в сторону обители Шуфан.

Юн Ци, Цзы Вэй и другие поспешили следом. Эр Тай выхватил из рук стражника деревянную палку, влил внутреннюю энергию ци и в два счёта переломил её пополам, швырнув обломки в сторону, после чего бросился вслед за всеми.

Императрица оцепенело стояла на месте, со страхом во взгляде провожая взглядом удаляющуюся спину императора. Вспомнив суровое и гневное лицо Цяньлуна, а затем бросив взгляд на расплывчатые пятна крови на земле, она с трепетом прислонилась к телу няни Жун, её рука судорожно вцепилась в ладонь служанки.

Обитель Шуфан.

Придворный лекарь проводит осмотр, служанки суетятся. Цяньлун сторожит у дверей, его лицо мрачно. Юн Ци, словно загнанный в клетку зверь, шагами измеряет галерею.

Цзы Вэй безутешно плачет, Эр Кан хмурит брови, анализируя обстановку.

А Эр Тай... Он стоит в отдаленном углу, не отрывая глаз от входа в покои. Его губы побелели от напряжения, а руки, опущенные вдоль тела, сжаты в кулаки и слегка подрагивают. Когда он увидел Сяо Яньцзы, неподвижно лежащую на скамье, он мчался туда изо всех сил — всё быстрее, быстрее, быстрее и быстрее, — но всё равно не успел предотвратить тот самый удар, что обрушился на её тело. Не раздумывая ни о чём, он взмыл налегке, но расслышал те тихие-тихие слова, которые произнесла Сяо Яньцзы — столь лёгкие, что они растаяли, словно дуновение ветра. Неужели Сяо Яньцзы...

Внутри покоев потерявшая сознание Сяо Яньцзы хмурила брови, словно погружаясь в ещё более страшный кошмар.

Только она одна знала: это вовсе не кошмар, это её кровавое будущее, которое ей суждено нести на своих плечах. Но в этой жизни, начиная с этого наказания палками, всё будет по-другому. Она больше не станет той бездумной Сяо Яньцзы, что несётся напролом и в конце концов разбивает голову в кровь. Она полетит, но полетит умнее и увереннее, используя всё, что видела и поняла душой в прошлой жизни, чтобы защитить всех, кого она любит.

Глава 4. Глупый Эр Тай

Сяо Яньцзы с трудом разлепила тяжёлые веки: сначала всё было размытым, но постепенно прояснилось.

Это... знакомый полог кровати, знакомый аромат благовоний —

Обитель Шуфан, её родная, до боли знакомая комната.

Она чрезвычайно медленно и осторожно повернула шею, опасаясь потревожить рану на спине.

На пуфике у кровати, свернувшись калачиком и прислонившись к столбу кровати, спала Цзы Вэй.

Голова Цзы Вэй слегка наклонена, под глазами залегли глубокие тёмные тени, брови слегка сдвинуты даже во сне, а одна рука бессознательно лежит на краю постели, словно она готова в любой момент ухватиться за что-то.

На ней накинута лишь верхняя одежда — судя по всему, она дежурила у постели и уснула от усталости.

Чуть дальше, за круглым табуретом, точно так же спала Цзиньсо, прикинувшись к маленькому столику и всё ещё сжимая в руке влажную салфетку.

Миньюэ и Цайся: одна прикорнула на низкой тахте у входа, другая — на противоположном стуле, обе спали крепким сном, а на их лицах застыла печать усталости.

Тихо горела свеча, и её дрожащий свет окутывал спящие лица мягким, тёплым сиянием.

Сяо Яньцзы молча смотрела на них, чувствуя, как горло словно сдавило тисками и защипало от боли.

В прошлой жизни, стоило ей оплошать и схлопотать наказание, Цзы Вэй точно так же без сна и отдыха дежурила у её постели, поила лекарствами, обтирала тело и утешала ласковыми словами.

Цзиньсо, Миньюэ и Цайся тоже бегали вокруг неё без единой жалобы.

Тогда она лишь умилялась, радуясь, что у неё есть такие сестры, но никогда ещё не ощущала столь остро всю тяжесть и величие этого безмолвного оберегающего труда.

Одна за другой горячие слезинки беззвучно скатились из уголков глаз Сяо Яньцзы, затерявшись в прядях у висков.

Она не смела пошевелиться и даже боялась дышать полной грудью, страшась спугнуть это драгоценное, мирное мгновение.

Взгляд её медленно сместился в сторону: на маленьком столике у кровати стояла корзинка-грелка — в ней наверняка пряталось приготовленное для неё лечебное отваром питьё или какая-то снедь; рядом лежали зацукатные фрукты и несколько распечатанных коробочек с мазью; на краю таза висело отжатое горячее полотенце, а ещё там лежал миниатюрный веер из камыша — судя по всему, Цзы Вэй обмахивала её им, отгоняя боль.

— М-м... — возможно, спать в позе на животе было неудобно, Цзы Вэй легко заворочалась и издала едва слышный сонный бормочущий звук, собираясь проснуться.

Сяо Яньцзы торопливо закрыла глаза, притворившись, что всё ещё крепко спит.

Возродившись к новой жизни, она ещё не решила толком, с каким выражением лица и каким тоном обратиться к Цзы Вэй.

Она боялась, что, едва открыв рот, выдаст слишком много лишних эмоций и напугает Цзы Вэй.

Она почувствовала, как рука Цзы Вэй легко коснулась её лба — движение было нежным, словно касание птичьего перышка, — а затем услышала самый тихий на свете вздох:

— Почему лоб всё ещё такой горячий?.. — В голосе Цзы Вэй слышалась едва проснувшаяся хрипота и глубокая тревога. — Сяо Яньцзы, поправляйся скорее.

У Сяо Яньцзы защипало в носу, но она изо всех сил сдержалась.

Она почувствовала, как тёплое полотенце вновь бережно провело по её щекам и шее — движения Цзы Вэй были привычными и мягкими.

Затем приблизился слабый запах горького лекарства. Цзы Вэй, по-видимому, проверила температуру отвара, а затем аккуратно зачерпнула ложечкой немного жидкости и поднесла к её губам.

— Сяо Яньцзы, умница, выпей лекарства... — Голос Цзы Вэй звучал так мягко, будто она уговаривала ребёнка.

Раньше она терпеть не могла пить лекарства, и Цзы Вэй приходилось подолгу уговаривать её, торгуясь и обещая целую гору засахаренных фруктов.

Но теперь... Сяо Яньцзы покорно приоткрыла рот, послушно проглотив горький отвар.

Эта горечь с кончика языка разлилась по самому сердцу, но принесла с собой странное чувство незыблемости и того, что она жива.

Цзы Вэй на мгновение замерла — видимо, не ожидая, что находящаяся без сознания Сяо Яньцзы окажется столь сговорчивой, — а затем продолжила кормление, ложечка за ложечкой, с бесконечным терпением.

Когда лекарство закончилось, ей в рот тихонько положили прохладный засахаренный фрукт.

Сладость растаяла на языке, заглушая горечь.

— Вот так умница. — В голосе Цзы Вэй слышалась лёгкая улыбка. Она достала платочек и бережно вытерла уголки рта Сяо Яньцзы, после чего слышалось шуршание расправляемого одеяла — Цзы Вэй тщательно подоткнула одеяло снизу. — Спи крепко, когда проснёшься, всё пройдет... Как только встанешь, мы сделаем ещё столько всего...

Сяо Яньцзы приоткрыла глаза на тончайшую щёлочку и увидела, как Цзы Вэй набросила одежду на спавшую Цзиньсо, затем задула лишние свечи, оставив лишь одну дежурную, и снова уселась на пуфик, поднимая камышовый веер, чтобы мерными, лёгкими движениями продолжать обмахивать её.

Свет свечи отбрасывал мягкий, непоколебимый силуэт Цзы Вэй на стену.

Действие лекарства сказывалось, приоткрытая щёлочка глаз вновь сомкнулась. Сяо Яньцзы приняла факт своего перерождения вместе с твёрдым решением изменить всё вокруг и погрузилась в спокойный сон.

А в это время в другом месте.

Эр Тай стоял у окна, подняв голову и всматриваясь в яркую луну, замершую на небе.

Сегодня он нёс дежурство в императорском кабинете, когда услышал, как бледные от испуга Цзы Вэй, Цзиньсо и остальные прибежали с вестью: Принцессу Хуаньчжу наказала императрица, её бьют палками. В голове у него громко зазвенело, мысли смешались, и, забыв обо всём на свете, он бросился вслед за императором вглубь внутренних покоев. Всю дорогу его сердце сжимала невидимая ледяная рука, и стужа поднималась от самых ступней к макушке.

Оказавшись во внутренних покоях, он сразу же увидел хрупкую, содрогающуюся фигуру, распростёртую на длинной скамье, с исподним платьем, насквозь пропитанным кровью.

В тот момент кровь в его жилах словно застыла, кулаки с хрустом сжались, и он был готов сорваться с места, наплевав на любые приличия. И тогда среди общего гама и боли в его собственном сердце он уловил этот полный боли, надломленный призыв:

— Глупышка... Эр Тай...

Словно тончайшая, раскалённая игла внезапно пронзила его барабанную перепонку прямо до глубины души. Он резко схватил стражника за руку, опуская взгляд на Сяо Яньцзы: её голова безвольно свисала, а растрёпанные пряди волос закрывали половину лица.

Он рефлекторно взглянул на старшего брата Эр Кана — тот с предельно встревоженным выражением лица смотрел на императора и Юн Ци, а также на плачущую Цзы Вэй, очевидно, ничего необычного не услышав. Юн Ци же был полностью поглощен Сяо Яньцзы и едва не бросался вперёд.

Гневный голос Цяньлуна отчитывал императрицу. Няня Жун стояла на коленях рядом, бледная как полотно.

Никто больше не заметил этого едва слышного зова.

Кроме него.

Неужели... неужели это были не лишь плоды его собственных несбыточных мечт? Неужели в тайных уголках души Сяо Яньцзы, о которых она сама ещё не подозревала, нашлось местечко и для него? Неужели чувства Сяо Яньцзы к нему — нечто гораздо большее, чем простое «хороший товарищ»?..

Эта мысль вспыхнула в его сердце пожаром степной травы, принеся с собой трепетный, граничащий со страхом восторг, который тут же был подавлен ещё более глубоким здравым смыслом и горьким осознанием.

Нет, быть не может.

В этом он разбирался лучше кого бы то ни было. Когда она смотрела на него, в её взгляде всегда читалось лишь отношение к хорошему другу, к «брату» — открытое, ясное, начисто лишённое какого-либо иного подтекста.

Но как тогда объяснить этот оклик?

— Сяо Яньцзы... — прошептал он в пустоту беззвучно, и сердце обожгло густой смесью тревоги, растерянности, тайного трепета и тяжелейшей, невыносимой боли.

Приближался рассвет.

Эр Тай глубоко вдохнул прохладный предрассветный воздух, и растерянность в его глазах постепенно уступила место невиданной прежде ясности и решимости. Что бы ни случилось, он защитит эту заглянувшую в его мир ласточку своим собственным путем, чтобы она могла летать свободно и беззаботно.

Глава 5. Пробуждение Сяо Яньцзы

Боль в области бёдер по-прежнему оставалась самым ярким ощущением при пробуждении. Впрочем, по сравнению со вчерашней пронзительной, разрывающей на части агонией, теперь это была скорее жгучая тупая боль, а тело казалось тяжёлым, будто по нему проехала телега.

Ресницы Сяо Яньцзы дрогнули, и она медленно открыла глаза. Первое, что предстало её взору — ярко-жёлтый балдахин, а у кровати...

Множество людей.

Она слегка повернула всё ещё неподатливую шею, обводя взглядом комнату.

Первым делом она встретила взглядом с сидевшей на краю кровати Цзы Вэй, которая неотрывно смотрела на неё. Заметив, что та открыла глаза, бледное и измождённое лицо Цзы Вэй мгновенно озарилось сиянием, слёзы брызнули из глаз без всякого предупреждения, но губы изо всех сил попытались улыбнуться:

— Сяо Яньцзы? Ты проснулась? Сильно болит? Пить хочешь? — град вопросов сыпался с сильным носовым оттенком, полный обрётённого заново страха потерять её и предельной осторожности.

Чуть в стороне, на круглом табурете рядом с Цзы Вэй, сидел Цяньлун.

Этот обычно грозный правитель сейчас сбросил с себя всю ауру императорского величия: в простой одежде, с нахмуренными бровями и покрасневшими от лопнувших сосудов глазами, он явно провёл на ногах всю ночь.

Сяо Яньцзы разомкнула губы, вымолвив слегка хриплым голосом:

— Отец... Император...

Услышав её обращение, суровые линии его подбородка чуть смягчились. Он подался вперёд, и его голос был смягчён нарочитой хрипотцой:

— Раз проснулась, значит, всё хорошо. Лекарь, скорее подойди осмотри её!

Лекарь поспешно шагнул вперед для пульсовой диагностики.

А взгляд Сяо Яньцзы тем временем невольно скользнул дальше.

Юн Ци стоял чуть позади Цяньлуна, почти вплотную прижавшись к столбу кровати. Лицо его было бледным, губы плотно сжаты, а воспаленные глаза покраснели от недосыпа. Он буравил её взглядом, в котором бурлили чудовищное чувство вины, страх от пережитого ужаса, жалость и едва уловимая, почти навязчивая нервозность, которой она раньше в его юношеских глазах не замечала.

Эр Кан стоял немного позади и правее Юн Ци; его брови были нахмурены, а выражение лица — сосредоточенным, но в отличие от открытых и бурных эмоций Юн Ци, в нём сквозили глубокая озабоченность и рассудительность. Их взгляды с Сяо Яньцзы на миг встретились, и он кивнул, словно призывая её успокоиться.

Сяо Яньцзы слегка кивнула в ответ на этот жест поддержки, однако, переведя взгляд чуть левее, почувствовала, как сердце на секунду пропустило удар.

Эр Тай стоял у окна, и его фигура казалась немного размытой в лучах утреннего света, словно он старался держаться в менее приметном месте. Он выглядел таким же уставшим от бессонной ночи, но держался гораздо спокойнее Юн Ци, хотя под этой видимой безмятежностью бурлили сложнейшие подводные течения. Его взгляд пересёкся с её глазами: в нём не было обжигающей страсти Юн Ци, но чувствовалась глубокая, тихая и пронзающая насквозь сила. Посмотрев на неё всего секунду, он тут же опустил веки, однако беспокойство, исследовательский интерес и едва заметная невыразимая боль, таившиеся в этом взгляде, глубоко запали в сердце Сяо Яньцзы.

Там же находилась и наложница Лин: стоя по другую сторону от Цяньлуна и промокая слёзы платочком, она сочувственно смотрела на неё:

— Бедная Сяо Яньцзы, столько всего натерпелась...

Уголком глаза Сяо Яньцзы заметила стоявших у входа с опущенными головами и распухшими от слёз глазами Минъюэ, Цайся и Цзиньсо, а также испуганных, но изо всех сил старающихся держаться бодрячком Сяо Чжоцзы и Сяо Дэнцзы.

Странно, почему здесь нет Бенджамина? Кажется, его вообще нигде не видно, хотя в прошлой жизни этот иностранец крутился повсюду... Неужели всё изменилось из-за её перерождения?

К тому же она помнила, что по ходу событий в это время Цзы Вэй ещё не должна была войти во дворец, так почему же сейчас всё иначе?

Для Сяо Яньцзы все эти загадки казались непосильной пищей для размышлений. Она просто не могла взять в толк происходящее, глядя на собравшихся вокруг людей — тех, кто любил её, и тех, кого любила она. Они заполнили её маленькую опочивальню до отказа, наполнив её и бесконечным теплом.

Огромная, саднящая волна тепла внезапно подступила к носу и глазам Сяо Яньцзы. Она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Отец... Отец-Император... — она попыталась изобразить улыбку, но из-за боли в спине та превратилась в некое подобие кривой гримасы, а голос прозвучал сухо и сипло: — Больно, больно, больно...

Услышав её осипший голос, Цяньлун нахмурился ещё сильнее и поторопил лекаря:

— Ну что? Где лекарство? Где вода?

Закончив пульсовую диагностику, лекарь спешно поклонился:

— Докладываю Вашему Величеству: пульс принцессы значительно выровнялся, жар спал. Хотя раны тяжёлые, к счастью, сухожилия и кости не задеты. При должном уходе, своевременном приёме лекарств и тщательном лечении она поправится, но двигаться пока категорически нельзя, и волноваться ей тоже вредно.

Услышав это, лицо Цяньлуна немного прояснилось, и он махнул рукой:

— Живо отправляйтесь варить отвар, используйте самые лучшие снадобья, принцесса должна встать на ноги как можно скорее!

Служанка поспешно поднесла чашку с тёплой водой. Цзы Вэй перехватила её и принялась аккуратно по чуть-чуть поить Сяо Яньцзы из ложечки. Тёплая вода оросила пересохшее горло, принесла долгожданное облегчение и позволив острее ощутить реальность собственного тела и боль.

— Сяо Яньцзы, — глядя на то, как та послушно пьёт, Цяньлун одновременно испытывал жалость и не мог не проявить черты императорской строгости и отеческой заботы. — В этот раз запомни урок! Во дворце свои законы, впредь не смей вести себя столь своенравно. Никто не требует от тебя идеальных познаний во всём, но нельзя же быть совершенно чуждой любым правилам! Тебе ещё долго жить во дворце, не стоит всегда нестись напролом и навлекать на себя такие мучения!

Слова звучали строго, но тон был куда мягче прежнего.

Сяо Яньцзы проглотила воду и посмотрела на Цяньлун.

В прошлой жизни ей всегда казалось, что Отец-Император слишком многое запрещает и совсем её не понимает. Но когда в облике призрака она увидела его вмиг постаревшее и разбитое от горя из-за её гибели лицо, она наконец осознала, какая глубокая, неизъяснимая любовь скрывалась за этими ограничениями.

Она тихонько кивнула, и хотя голос её звучал слабо, в нём чувствовалась необычайная серьёзность:

— Отец-Император, я всё запомнила. Впредь... я буду старательно учиться правилам и больше не стану заставлять вас... Цзы Вэй и всех остальных переживать.

Она не жаловалась, а просто выражала искреннюю решимость.

Такой ответ заставил Цяньлуна слегка опешить, а затем в его глазах промелькнуло сложное выражение. Эта девочка и вправду словно переменилась. Неужели этот урок палками заставил её разом повзрослеть и поумнеть? Или... она просто испугалась?.. На миг в его сердце zakрылось сомнение, но оно тут же растворилось под наплывом жалости.

Услышав её слова, Юн Ци сжал кулаки так сильно, что ногти едва не впились в ладони. Он резко подался вперёд, и в его охрипшем голосе дрожало подавленное отчаяние:

— Сяо Яньцзы, прости меня... Я ни на что не годен, не успел вовремя и не смог защитить тебя...

Его глаза покраснели ещё сильнее, и в них плескалось бездонное чувство вины.

Сяо Яньцзы посмотрела на его молодое, искажённое болью лицо. В прошлой жизни, после её гибели, это лицо сменило маску мёртвой пустоты и разрушительного отчаяния на покорность судьбе и семейное благополучие. Видя его сейчас — живого, пышущего силами и переполненного столь яркими эмоциями ради неё, Сяо Яньцзы почувствовала, как внутри всё сжалось. Разве она была готова встретиться с ним лицом к лицу? Неужели ей снова придётся пройти тем же путём, что и в прошлый раз?

<http://bllate.org/book/22027/2290096>